

применяются. Статья 175 ГК в отличие от ст. 184 ГК не регламентирует правовые последствия, когда у представителя нет никаких полномочий.

Однако следует отметить, что правило, предусмотренное п. 1 ст. 184 ГК, о том, что при отсутствии представительских полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, не всегда может быть реализовано на практике. Во-первых, третье лицо должно быть согласно заключить сделку не с представляемым, как оно предполагало, а с представителем; а во-вторых, представитель должен иметь способность заключить такую сделку.

В случае если третье лицо не согласно с тем, что контрагентом по сделке с ним будет представитель, сделка не может быть признана заключенной в связи с отсутствием соглашения о сторонах сделки. Однако если третье лицо узнало об отсутствии полномочий представителя уже в процессе исполнения им сделки или если представитель не способен совершить сделку (у представителя нет имущества, отчуждаемого по сделке или представитель не обладает соответствующим правовым статусом для совершения сделки), такая сделка является недействительной.

В п. 1 ст. 184 ГК также предусмотрено, что представляемый вправе одобрить сделку, совершенную представителем без полномочий. В случае последующего одобрения сделки, наступают такие же последствия, как если бы в момент совершения сделки представитель имел полномочия на ее совершение, т. е. ее одобрение создает, изменяет и прекращает для представляемого гражданские права и обязанности по данной сделке с момента ее совершения. Эти правила применяются и при отмененной доверенности, если совершаются сделки с последующим их одобрением.

3. Сложнее обстоит дело с ситуацией, когда имеет место превышение полномочий представителя по сравнению с тем, как они определены договором. Как уже говорилось ранее, в этой ситуации имеют место перекрестные предметы правового регулирования ст. 175 и ст. 184 ГК. Применительно к такой ситуации и возникает вопрос разграничения соответствующих последствий.

В силу ст. 175 ГК, когда полномочия, предусмотренные доверенностью, законодательством или очевидным из обстановки, при которой совершается сделка, превышают полномочия, предусмотренные в договоре между представителем и представляемым, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

При этом последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, не применяются в случае несовпадения полномочий в доверенности и договоре, поскольку в силу ст. 183 ГК доверенность является основанием возник-

новения у представителя полномочий на заключение сделки от имени представляемого, поэтому другая сторона в договоре действует правомерно и в том случае, когда она осведомлена о таком несовпадении (п. 17 постановления № 26). Таким образом, независимо от того шире или уже определены полномочия представителя в договоре по сравнению с доверенностью, последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, не применяются.

Если рассмотреть предмет регулирования ст. 184 ГК, то он, как уже отмечено выше, связан именно с отсутствием полномочий у представителя действовать от имени представляемого или с превышением полномочий, имеющихся у представителя при совершении сделок в интересах представляемого. Статья 184 ГК не конкретизирует источник полномочий представителя. В соответствии с п. 1 ст. 183 ГК представительство может основываться не только на договоре, но и на законодательстве, либо на акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, либо полномочия представителя могут явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец розничной торговли, кассир и т. п.).

Как отмечает Я.И. Функ, «если исходить из буквального толкования ст. 184 ГК в корреспонденции со ст. 183 ГК, то можно прийти к выводу, что превышение полномочий, о которых говорит ст. 184 ГК, не связано с превышением полномочий, основанных на договоре».

Тем не менее вышеизложенное – на уровне авторских рассуждений, а на законодательном уровне должен разрешаться данный вопрос, в том числе и Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь, уполномоченным органам стоило бы акцентировать внимание на этой проблеме.

УДК 347.45/.47.05 (476-6 СНГ) (474.3)

О. Шкут

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ФАКТОРИНГА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ И ЛАТВИИ

Экономическая ситуация, наблюдаемая в большинстве развитых и развивающихся государств, проявляющаяся в постоянном поиске мер по минимизации последствий мирового финансового кризиса, свидетельствует об уязвимости банковского сектора экономики и его неспособности в обеспечении субъектов хозяйствования доступными финансовыми ресурсами. Неспособность кредитования обеспечить современный гражданский оборот обуславливает поиск альтернативных источников

быстрого получения высоколиквидных оборотных активов, которыми являются деньги, и появление новых правовых конструкций, таких как факторинг. Привлекательность и потенциальная выгода данного вида гражданско-правового договора для фактора очевидна, однако заключение такого рода сделки влечет также для него и предпринимательские риски, обусловленные неисполнением либо ненадлежащим исполнением ее клиентом и (или) должником. В этой связи в гражданское законодательство включаются нормы, устанавливающие ответственность кредитора (клиента, адерента) перед фактором (финансовым агентом).

Большинство правоведов констатируют, что гражданско-правовая ответственность по договору факторинга носит диспозитивный характер, что дает возможность сторонам в рамках договора факторинга самостоятельно определять санкции гражданско-правовой ответственности за каждый случай неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по рассматриваемому договору. В научной литературе имущественную ответственность по договору факторинга принято ставить в зависимость от его правовой природы. Так, если договор факторинга представляет собой реальный гражданско-правовой договор, то ответственность за его неисполнение может наступать только для клиента за несоблюдение действительности предмета рассматриваемого договора, а также за исполнимость договора. В случае если он представляет собой консенсуальный договор, то фактор призван отвечать за отказ от передачи клиенту денежных средств в счет его денежного требования. Ответственность клиента по договору факторинга может наступать в трех случаях: во-первых, если он не совершил уступку денежного требования или ненадлежаще ее оформил; во-вторых, за действительность передаваемого денежного требования; в-третьих, если это установлено в договоре, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения денежного требования третьим лицом (должником).

Анализ содержания гл. 6 Коммерческого Закона Латвийской Республики (КЗ) позволяет утверждать, что в ней регламентирована только ответственность клиента: за подлинность требования и за надежность требования (ст. 471 КЗ). Аналогичная ситуация наблюдается и в банковском законодательстве Беларуси. Так, при установлении ответственности клиента перед фактором законодателем Латвии применяется термин «подлинность» переданного либо передаваемого денежного требования. Пункт 1 ст. 471 КЗ содержит норму о том, что, если в договоре факторинга не оговорено иное, клиент несет ответственность перед фактором за подлинность переданного или передаваемого требования. Однако норма, раскрывающая содержание употребляемого понятия «подлинность», отсутствует, что затрудняет правоприменительную практику.

Не менее показательна позиция белорусского законодателя по данному вопросу. В Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует регламентация рассматриваемой ситуации, однако абз. 1 ст. 162 «Ответственность кредитора перед фактором» Банковского кодекса Республики Беларусь (БК) предусматривает не только вменение кредитору ответственности за действительность передаваемого денежного требования перед фактором независимо от условий договора факторинга, но и обязывает кредитора подтвердить действительность уступленного денежного требования документами, удостоверяющими его право требования к должнику. Содержит также условие действительности денежного требования абз. 2 рассматриваемой статьи БК, согласно которому «денежное требование считается действительным, если кредитор имеет право на его уступку и в момент уступки ему неизвестны обстоятельства, вследствие которых должник вправе не исполнять такое требование». В абз. 3 ст. 162 БК законодателем предусмотрена императивная норма, согласно которой «в случае недействительности уступленного денежного требования фактор приобретает право обратного требования (регресса) к кредитору независимо от условий платежа», что, на наш взгляд, позволяет предотвратить совершение таких мошеннических действий клиентом и его должником, как замена задним числом первичных бухгалтерских документов, идентифицирующих перешедшие фактору денежные требования; умышленный возврат товара, поставленного по договору поставки, следствием чего является уменьшение размера уступленного денежного требования или его прекращение; получение кредитором от должника денежных средств, подлежащих выплате фактору, а также других противоправных действий недобросовестных клиентов и должников. В свою очередь, отсутствие вышепроанализированных правовых гарантий для фактора в Латвии может породить негативные последствия для него при заключении договора факторинга с недобросовестным клиентом либо его контрагентом.

Ситуации, когда клиент и должник изменяют договорные правоотношения по уступленным фактору денежным требованиям, вероятны и для Латвии. Например, возможно возникновение случаев, о которых фактору неизвестно, когда кредитор и должник могут изменять, например, условия договора поставки, цену поставляемого товара, осуществлять его возврат должником кредитору по договору поставки, т. е. нарушается право фактора на оплату переданного денежного требования. Глава 6 КЗ не содержит норм, регламентирующих ответственность кредитора и должника в таких случаях.

Проверка действительности (подлинности) денежного требования на практике часто включает и оценку фактором качества долговых тре-

бований по договору факторинга. Закономерно возникает вопрос об источнике такого рода информации. Полагаем, что при заключении договора между фактором и банком, например в Латвии, необходимо наличие письменного согласия клиента на предоставление такого рода деловой информации о нем. Возникновение такой ситуации в белорусском гражданском обороте почти невозможно, поскольку на стороне фактора часто выступает банк, владеющий такой информацией на основании заключенного между ним и кредитором договора об оказании банковских услуг последнему. Только в случае заключения договора факторинга кредитора с банком, клиентом которого он не является, возможно возникновение вопроса об основании и законности передачи другим банком такого рода сведений о первом.

Полагаем, что для правоприменительной практики Латвии в сфере факторинговых отношений необходимо установление императивной нормы об ответственности клиента перед фактором за подлинность переданного или передаваемого денежного требования. Считаем, что отсутствие в КЗ условий, при которых переданное или передаваемое денежное требование может быть признано подлинным, также негативно влияет на его качество. В целях обеспечения прав коммерсанта (фактора), в случае изменения правоотношений клиентом и третьим лицом (должником) по уже уступленным требованиям и предусмотрения ответственности последних, также целесообразно внести в нормы КЗ о факторинге дополнения, регулирующие правоотношения между клиентом и третьим лицом (должником) после перехода известных денежных требований фактору. Реализация этих предложений по совершенствованию гражданского законодательства в области правового регулирования договора факторинга, которые являются гарантиями для фактора, с учетом опыта Республики Беларусь, позволит повысить интерес к такой предпринимательской деятельности, как факторинговые услуги, в Латвии.

УДК 347.45/47:614.2

И.Н. Яхновец

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В правоотношениях по оказанию медицинской помощи законодатель закрепил свойственный гражданскому праву и законодательству о защите прав потребителей принцип виновности исполнителя (продавца, изготовителя, поставщика). По общему правилу потребитель всег-

да прав, а медицинское учреждение, врачи предполагаются виновными перед пациентами, если не докажут обратное, и соответственно должны нести материальную ответственность перед потребителями медицинских услуг. По мнению А.А. Диванчикова, рынок медицинских услуг относится к рынку с так называемым «нарушенным суверенитетом покупателя (пациента)».

Учитывая договорной порядок отношений по возмездному оказанию медицинских услуг, очевидно, что медицинские учреждения несут ответственность перед потребителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, несоблюдение требований, предъявляемых к методам диагностики, профилактики и лечения, разрешенным на территории Республики Беларусь, а также в случае причинения вреда здоровью и жизни потребителя. В связи с этим потребители, пользующиеся платными медицинскими услугами, вправе предъявлять требования о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора, возмещении ущерба в случае причинения вреда здоровью и жизни, а также о компенсации за причинение морального вреда в соответствии с законодательством.

Несмотря на то что договор возмездного оказания медицинских услуг относится к гражданско-правовым, его правовое регулирование носит комплексный характер. Из этого следует, что права и обязанности сторон по данному договору должны определяться в двух аспектах – с точки зрения норм гражданского законодательства и с точки зрения норм законодательства в сфере здравоохранения. Исходя из изложенного полагаем обоснованным мнение О.П. Казаченка о целесообразности разделения прав лица, получающих услуги в рамках договора возмездного оказания медицинских услуг, на две группы: права пациента и права потребителя.

Согласно п. 3 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» при отсутствии в законодательстве или договоре условий о качестве услуги исполнитель обязан оказать услугу, соответствующую обычно предъявляемым требованиям и пригодной для целей, для которых услуга такого рода обычно используется. В связи с чем закономерно возникает вопрос о сущности «обычно предъявляемых требований» относительно качества оказываемых медицинских услуг, которые в настоящее время не имеют детальной правовой регламентации.

Сложность правовой регламентации качества медицинских услуг связана с тем, что надлежащее ее оказание напрямую связано не только с личностью врача, уровнем его знаний, профессионализмом и квали-